

Феномен самозванчества:
трансцендентная легитимность власти
в политическом модерне

Клаудио Ингерфлом

*Национальный центр научных исследований, Париж, Франция;
Национальный университет Сан-Мартин, Сан-Мартин, Аргентина,
claudio.ingerflom@gmail.com*

Аннотация. В статье рассматривается теоретическая проблема изучения самозванчества как феномена истории, в котором нередко видят только событийную канву, относящуюся к определенному времени. Но самозванчество повторяется, становится хроническим, и потому нуждается в осмыслении не только как событийный феномен, но и как своеобразная константа русской действительности, в которой вместе с «настоящим» сосуществуют так называемые отложения, свидетельствующие о более глубокой природе «прошлого в настоящем». Автор приходит к мысли, что своеобразной константой русской истории была неформализованная власть, изначально утверждавшая свою не правовую (гражданскую) функцию, а трансцендентную. Она определялась как религиозными постулатами, так и политической спецификой самого региона. Феномен самозванчества может быть расширен до пределов истории самого самодержавия. Во всяком случае, предлагаемая модель включения самозванчества в историю самодержавия ставит перед исследователем новый вопрос – о природе законности в неформальной правовой традиции России на протяжении веков.

Ключевые слова: Смута, самозванец, самозванчество, история понятий, Мишель Фуко, история понятий, теории истории, тоталитаризм, фашизм, обычное право, большевизм

Для цитирования: Ингерфлом К. Феномен самозванчества: трансцендентная легитимность власти в политическом модерне // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2024. № 9. С. 30–41. DOI: 10.28995/2686-7249-2024-9-30-41

The phenomenon of imposture. Transcendental legitimacy of power in political modernity

Claudio Ingerflom

*French National Centre for Scientific Research, Paris, France;
National University of General San Martín, Buenos Aires, Argentina,
claudio.ingerflom@gmail.com*

Abstract. The article deals with the theoretical problem of studying imposture as a phenomenon of history, which is often seen only as an event frame relating to a certain time. But imposture is recurrent, becomes chronic, and therefore needs to be conceptualized not only as an event phenomenon, but also as a peculiar constant of Russian reality, in which together with the “present” coexist the so-called “sediments”, testifying to the deeper nature of the “past in the present”. The author comes to the idea that a peculiar constant of Russian history was the informalized power, initially asserting its transcendent rather than legal (civil) function. It was determined by both religious postulates and the political specifics of the region itself. The phenomenon of imposture can be extended to the limits of the history of the autocracy itself. In any case, the proposed model of including imposture in the history of the autocracy poses a new question to the researcher – about the nature of legitimacy in the informal legal tradition of Russia throughout the centuries.

Keywords: Distemper, impostor, imposture, history of concepts, theories of history, totalitarianism, fascism, customary law

For citation: Ingerflom, C. (2024), “The phenomenon of imposture. Transcendental legitimacy of power in political modernity”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 9, pp. 30–41, DOI: 10.28995/2686-7249-2024-9-30-41

Самозванчество в России не всегда было проявлением сопротивления самодержавию. Неверно и то, что это сопротивление часто принимало форму самозванчества. Мишель Фуко указывал¹ на то, что формы сопротивления обнажают формы

¹ *Foucault M. Dits et écrits. T. 4: 1980–1988. P.: Gallimard, 1994. P. 225.* Фуко вел диалог с В.О. Ключевским, сам того не ведая. Русский историк писал: «Самозванство становилось стереотипной формой русского политического мышления, в которую отливалось всякое общественное недовольство» (*Ключевский В.О. Русская история: полный курс лекций. М.: ОЛМА-ПРЕСС Образование, 2004. С. 333*).

господства. В связи с установлением политического модерна в России, которое произошло благодаря революции 1905 года, классическое самозванчество окончательно перестало быть приоритетной формой сопротивления власти. С одной стороны, речь идет о том, что Рикер называл «социальным временем» события, когда после своего фактического завершения возникает переосмысление случившегося в модусе будущего, – и только так событие прошлого обнажает новое семантическое содержание. С другой стороны, событийные смыслы, которые когда-то были лишь потенциальными, включаются в новое настоящее². Этот процесс затрагивает отношения между временами: речь идет об активном присутствии семантико-временных отложений из прошлого в каждом историческом изменении, каким бы радикальным оно ни казалось³.

Когнитивное напряжение между очевидным и истинным значением

Если спросить любого гражданина, что такое самозванчество, то велика вероятность того, что ответ будет вращаться вокруг обмана, узурпации власти, ее функций. Действительно, если взять, к примеру, знаковый случай с лже-Дмитрием, то *очевидно*, что он воплощал в себе вышеупомянутый ответ. Как объясняет этимология, очевидность – это то, что предстает ясным перед глазами. Но функция историка, как и любого другого исследователя в гуманитарных науках, состоит в том, чтобы превратить якобы очевидное в неочевидное.

В противном случае, когда исследование подчинено очевидности, велик риск прийти к когнитивным искажениям объекта. Приведу пример. Все ученые в нашей области знают труд К.В. Чистова, опубликованный в 1967 г. [Чистов 1967]. В переиздании 2003 г. автор добавил новую главу, один из разделов которой был озаглавлен так: «О термине “самозванчество”». Критикуя трактовки коллег, Чистов противопоставил им «подлинное самозванчество» [Чистов 2003], «точное» определение которого дано в словаре Ушакова (1935–1940): а) «Самозванец – лицо, самовольно или незаконно присвоившее себе чужое имя или

² Ricœur P. Temps et récit. P.: Seuil, 1985. Т. 3: Le temps raconté. Note 29. P. 398.

³ Koselleck R. Zeitschichten [1995] // Koselleck R. Zeitschichten. Studien zur Historik. Frankfurt a/M., 2000.

титул, выдающее себя за другое лицо» или б) «Эпитет лица, присвоившего себе имя царя или кого-либо из членов царского дома в борьбе за политическую власть»⁴. Опираясь на словарь Ушакова, Чистов передает тот смысл, который хотели придать термину «самозванчество» имперские и советские политические власти. Но, как известно, закон и его кодификация – это не истина, а всегда выражение интересов, причем исторически обусловленных. Если учитывать не только официальные юридические документы, но и социально-политическую реальность, а также повседневный язык, то значение термина становится гораздо шире и не ограничивается сферой утопического мышления. Действительно, мы знаем, что когда составлялись уголовные кодексы, самозванчество понималось в гораздо более широком смысле. Дело не только в народном дискурсе: «точное» определение «подлинного» самозванца, отстаиваемое Чистовым, не соответствует тому значению, которое приписывается этому слову в источниках с момента его появления в XVII веке. Так, самая ранняя из известных мне записей, во «Временнике» Ивана Тимофеева, объединяет лже-Дмитрия, Годунова и Шуйского под одним и тем же обвинением в самозванчестве, хотя последние двое не выдавали себя за других людей.

Анализ источников показывает, что, кроме словарных значений, существуют и другие смысловые элементы, которые могут быть выявлены благодаря герменевтической работе. Речь идет о том, что с момента появления слова «самозванец» оно обозначает человека, который зван на власть не Богом, а самим собой или приближенными.

⁴ Знакомство с российскими уголовными кодексами показывает, что Ушаков воспринял формулировки и определения раздела IX, главы II Уложения о наказаниях уголовных и исправительных (1845) и ряда статей, таких как 1415 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных (изд. 1885), 134 Уголовного уложения (1903) и, в некоторой степени, из статей 91 и 77 Уголовного кодекса РСФСР (1922 и 1926), соответственно. Эти статьи были взяты для определения состава преступления самозванства в статье 194 Уголовного кодекса РСФСР (1971). См.: *Малышов П.Н., Муравьев Н.К.* Законы о политических и общественных преступлениях: Практический комментарий / Сост. Н.Н. Полянский, А.Ю. Рапопорт, И.С. Урысон. СПб.: Изд. юр. кн. скл. «Право», 1910. С. 101–102, 162–163; *Koselleck R.* Krise // *Geschichtliche Historisches Lexicon zur politisch-sozialen*: in 8 vols / Hrsg O. Brunner, W. Konze, R. Koselleck. Vol. 3. Stuttgart: Klett-Cotta, 1982. P. 617–651.

Активное присутствие прошлого в настоящем

Когда интерпретация останавливается на очевидном и, по существу, им и ограничивается, она упускает возможность понять историчность объекта. Историчность заключается в прерывании оригинальных событий, вызванных повторением предыдущих структур. Приведу пример: когда я пишу эти строки и когда вы, уважаемый/ая читатель/ница, читаете их, мы с вами осуществляем новое взаимодействие, которое может быть повторено, но никогда не воспроизводится идентичным образом. Но в свою очередь этот факт смыслового взаимодействия порождается повторением языковой структуры – русского языка, на котором мы с вами общаемся⁵. В этом и заключается специфика историчности⁶. Исторические структуры не состоят из одного «куска», а складываются из разных элементов, каждый из которых обладает своей особой темпоральностью, чем-то вроде собственной биографии. Некоторые из них старше, более изношены и имеют тенденцию к исчезновению, другие – более поздние и все еще активны. Возьмем, к примеру, 1789 год. Феодальные права и большое количество привилегий были отменены в ночь на 4 августа. Но другие факторы, такие как политические требования либерализма, демократия, государство, свобода и равенство, превратились в отложения, практическая реализация которых либо достигалась постепенно на протяжении более чем столетия, либо до сих пор остаются актуальными, как, например, расширение политической демократии в сторону демократии социальной. Эти отложения, оставаясь актуальными, функционировали и продолжают функционировать как активные факторы реальности.

Такая интерпретация отношений между тремя временами – прошлым, настоящим и будущим, то есть теория истории, которую от Дройзена до Козеллека называли по-немецки *Historik*, подтверждается на примере самозванчества. После «роя претендентов», который казацкие войска с XV по начало XVII в. бросили на завоевание молдавского престола, явление самозванчества переместилось в Московское государство, где оно ознаменовалось феерическим успехом первого лже-Дмитрия⁷. Его эпопея создала многовековой феномен, который русские называли самозванчеством, претенду-

⁵ Koselleck R. Wiederholungsstrukturen in Sprache und Geschichte // Koselleck R. Vom Sinn und Unsinn der Geschichte. Berlin: Suhrkamp, 2010.

⁶ Ricoeur P., Castoriadis C. Dialogue sur l'histoire et l'imaginaire social. P.: Éditions de l'École des Hautes Études en Sciences Sociales, 2016. P. 58.

⁷ Iorga N. Histoire des Roumains et de la Romanité orientale. Bucarest: Academia Romana, 1940. Vol. 5. P. 111–128.

ющим на высшее титульное достоинство базилевса. По словам В.О. Ключевского, возникла «хроническая болезнь русского государства»⁸. Очевидно, что эта «болезнь» – симптом определенного представления о легитимности высшей политической власти⁹. Вопрос – симптомом чего было самозванчество, если в средневековой России не было никакого юридического понимания законности политической власти?

Повторяющееся на протяжении веков самозванчество Ключевский назвал «хроническим»: это то, что, вслед за Козеллеком, мы называем «отложением».

Как и в геологии, отложения в истории, отнюдь не являясь очевидными, не всегда заметны. Точно так же, как и землетрясения являются результатом столкновения геологических пластов. Конфликты, подобные тем, что возникают, когда «появлялся»¹⁰ самозванец, открывают брешь, через которую можно наблюдать «отложения», и в данном случае это сам критерий легитимности. Конфликтные ситуации и наличие в них древних временных отложений не являются монополией российской истории. Прояснение неочевидного модуса российского самозванчества приводит к рассуждениям о теоретических предпосылках и методологических процедурах, выходящих за пределы российской истории.

Трансцендентная легитимность политической власти

Труды Б.А. Успенского стали научным прорывом в понимании самозванчества, они обозначили переломный момент в исследовании темы [Успенский 1982]. Следуя по его стопам, я рассматривал генеалогию слова и то, как оно трансформировалось в понятие¹¹.

⁸ Ключевский В.О. Сочинения: В 8 т. М.: Госполитиздат, 1956–1959. Т. 3. С. 27.

⁹ Koselleck R. Krise... P. 617–651.

¹⁰ «Когда появлялась подобная личность <самозванец>, народ употреблял даже для этого известное подходящее выражение, что вот-де, «*проявился* такой-то», и личности эти он называл «*явленными*», как он привык выражаться о явлении чудотворных икон или мощей угодников» (Мордовцев Д.Л. Один из Лже-Константинов // Отечественные записки. 1869. № 10. С. 432).

¹¹ Ingerflom C. Towards a conceptual-historical critique of the essentialist and teleological interpretations of Russian history. Part 1 // Quaestio Rossica. 2023. Vol. 11. No. 2. P. 677–702; No. 3. P. 1075–1098.

Ограничусь кратким изложением первоначального значения, приписываемого термину «самозванец»: это человек не по божьему произволению есть высшая власть, а только по своему хотению. Таким образом, с начала XVII в. «явление» каждого самозванного претендента на царский трон неоднократно подтверждало общественный консенсус относительно религиозного характера критерия легитимности – самой высшей власти и ее представителя.

Это коллективное согласие не означает, что институализированная религия, то есть церковь, держит в своих руках реальную власть, но она ее сопровождает и использует, с необходимыми предосторожностями и внешним уважением.

«Потусторонность» земной, социальной и политической жизни не ограничивается религией в строгом смысле. Это явление более широкое, поскольку религиозный критерий политической легитимности – это прежде всего *трансцендентный* критерий, т. е. недоступный человеческому вмешательству. Какой другой критерий имела легитимность советской власти, утверждавшая марксистско-ленинские «законы» истории, кроме трансцендентного? Трансцендентность самозванчества – это древнее семанτικο-временное отложение, которое сохранило свое действие и после 1917 г.

Испанский фашизм

Как мы видим, трансцендентность может определять критерий политической легитимности не только как исключительно религиозный ориентир. Представляет интерес повторяемость исторических структур и их роль в производстве оригинальных событий, то есть понимание того, как современные «отложения» становятся функциональными и конститутивными для порядка, внедренного в современный мир. Фашизм в его испанской версии, то есть франкизм, является классическим примером этой процедуры, которая заключалась в обращении к прошлому путем *изобретения национальной сущности* – по преимуществу внеисторической категории – для основания и легитимации нового юридико-политического порядка. Обе операции были сформулированы на основе а) идеи «Испаноязычного мира», кристаллизованной в выражении “Hispanidad”; б) формулы «Священной войны» 1936–1939 гг., задуманной как «Крестовый поход». Это две составляющие линии нового порядка, пересекающиеся с реакционным отказом перевернуть страницу бывшей испанской империи, с антимодернистской и антилиберальной идеологией и архаичными ценностями национал-католицизма.

*Концентрат эссенциализма:
миф об «Испаноязычном мире»*

Испаноязычные американские страны завоевали свою независимость в первой половине XIX в., но в глазах недовольного испанского национализма они оставались продолжением испанской идентичности. В 1926 г. испанский священник Закариас де Вискарра предложил заменить название *Fiesta de la Raza* (Фестиваль расы), связанное с празднованием дня прибытия Колумба на американский берег, на *Día de la Hispanidad* (Фестиваль Испаноязычного мира). В то время как слово «раса» несвободно от дискриминации по отношению к многонациональным американским странам, формула «Испаноязычный мир» избегала расистского прочтения, обозначая содружество испаноязычных стран и общее духовное наследие. Однако он утверждал, что эти страны были историческим продуктом испанской евангелизации, а их прискорбная независимость стала результатом либеральной секуляризации. «Испаноязычный мир» насаждал реакционную националистическую жажду реконкисты (возвращения), поддерживаемую универсальной проекцией национал-католицизма этих стран. Как будто прошлое не было колониальным, имперская ностальгия, присутствующая в понятии «Испаноязычный мир», содержала концепцию отношений, которые Испания сплела в прошлом с народами по другую сторону Атлантики как щедрая цивилизаторская евангелизация. «Америка – это наше произведение; эта работа, по сути, является работой католицизма. Поэтому между расой или испаноязычностью и католицизмом существуют отношения равенства»¹². Миф об «Испаноязычном мире» включал в себя мысль о единстве империи и католической монархии, ориентируясь на то, чтобы вернуть себе роль духовного проводника и интегратора содружества упомянутых стран. В то же время этот миф был направлен на то, чтобы затормозить перспективу перехода всех этих стран под опеку Соединенных Штатов. Но и в самой Испании миф выполнял двойную внутреннюю функцию: смягчал обиду за утраченную империю, а его националистический потенциал легитимизировал новый фашистский порядок. Национализм как «эссенциалистский вирус»¹³ режима Франко.

¹² Gomá T. *Apología de la Hispanidad* // *Acción Española*. 1934. Vol. 11. No. 64–65. P. 193–230, цит. по: *Marcilhacy D.* *La Hispanidad bajo el franquismo*. Madrid, 2014. P. 6.

¹³ Цит. по: *Imaginar España durante el franquismo* / Sous la direction X.M. Núñez Seixas, S. Michonneau. Madrid: Casa de Velázquez, 2014. P. 1.

Франкизм опирался на прошлое, чтобы создать эссенциализм, на котором основывалась его легитимность. Восстание под руководством Франко и гражданская война проходили во имя Креста и той воображаемой вечной Испании, которая после Республики возрождалась вдвойне. События 1936–1939 гг. были возобновлением эпопеи 1492 г. – завоевание и колонизация Америки – это с одной стороны, а с другой – это восстановление «смежности между государством и церковью, олицетворяя национал-католическое измерение режима»¹⁴.

*«Крестовый поход»: «священная война»,
узаконившая фашистский порядок*

В одной из своих последних книг испанский философ и историк Хосе Луис Вильяканьяс Берланга анализирует стремление Франко превратить себя из кондотьера в нового и долговечного принца. Идеалом испаноязычного человека для Франко был идальго, который, как резюмировал Вильяканьяс, характеризовался «трезвыми моральными и религиозными добродетелями, мистицизмом, мужеством и чувством чести». Самым интересным было имперское состояние этой касты, ее желание завоевывать и «оплодотворять» народы за географическими рамками Испании, со стремлением сохранить испанское влияние над Испанской Америкой¹⁵. Это оправдывало «тотальную войну, в которую включился Франко, потому что эта война стала бы горнилом, которое вновь обобщило бы тип идальго»¹⁶. Для ранних теоретиков «Испаноязычного мира», таких как Рамиро де Маэсту и Вальехо-Нагера, «духовные и расовые ценности» и другие связанные с ними идеи «были полностью совместимы с католической верой. Таким образом, защищалась семья, понимаемая как естественная форма жизни. Поскольку семья была частью естественного права, евгеника также проскользнула в эту дверь, и таким образом было показано, что темная наука социальной гигиены сходится с католической доктриной, и была предложена основа для христианизации общества таким образом, который не был несовместим с тоталитарным государством»¹⁷.

¹⁴ *Di Febo G.* Ritos de guerra y de victoria en la España franquista. Valencia: PUV, 2012. P. 35.

¹⁵ *Villacañas Berlanga L.* La Revolución pasiva de Franco. HarperCollins Ibérica, 2022. P. 48.

¹⁶ *Ibid.*

¹⁷ *Ibid.*

Католическая церковь была представлена как неотделимая от национального сознания. Особое место в идеологической системе Франко отводилось преемственности терминологии, связанной с формулой «Крестовый поход» (Cruzada). В Основных законах Королевства Испания, утвержденных в 1967 г., установлено, что «главой государства является Каудильо Испании и Крестового похода, генералиссимус военных сил дон Франсиско Франко». Таким образом, выражение «Крестовый поход», которое двадцатью годами ранее уже определяло «Священную войну» против Республики, было снова взято на вооружение. Об использовании термина «Крестовый поход» в качестве легитимирующего ресурса и генератора дискриминационных моделей врага, оправдывающих насилие вплоть до истребления, написано немало. Недавно историк Пабло Санчес де Леон показал, что Крестовый поход, неоднократно присутствовавший в законодательстве на протяжении всего франкистского периода, также выступал в качестве «эталона закона, а значит, и *основателя порядка*», то есть Священная война как основатель и легитиматор правового режима, призванного регулировать жизнь не только побежденных, но и победителей¹⁸. Средневековые крестовые походы породили целые библиотеки текстов, изучающих религиозный характер и насилие, которые эти священные войны развязали в современном мире. Однако риторический и средневековый призыв к мобилизации, с которым фашизм обозначил гражданскую войну в Испании как Крестовый поход и Священную войну, прошел через «социальное время» Рикёра, чтобы раскрыть сегодня, в современном мире, смыслы, которые не сводятся к риторическому «во имя Креста».

«Священные войны» – актуальное явление сегодня; вспомним терроризм и конфликты во имя религиозного фундаментализма, они происходят в мире, пропитанном секулярными, то есть современными ценностями, в мире, в котором изгнание Бога из полиса, по Макиавелли, уже прошло долгий путь в пять веков, даже если не все страны отделили Церковь от государства.

Повторяемость структур и фактическая инновация, или Несовременность в современности

Что стоит на кону в актуализации выражения «Священная война»? Что оно обозначает в условиях политического модерна? Испанский пример может внести ясность, если мы зададимся во-

¹⁸ *Sánchez Leon P.* Destitución de ciudadanía: la dimensión jurídica de la Cruzada de 1936. 2022. 21 Apr.

просом об одновременности старого мира в виде архаичных семейных ценностей национал-католицизма, ностальгии по имперскому и мистифицированному прошлому, мук идентичности перед лицом особых идентичностей (каталонской, баскской, галисийской и других), синтезированных в Священной войне с современностью (Республикой и демократией в Испании 1930-х гг.). Правда, республиканский и демократический режим был свергнут. Но, помимо языка, то, что последовало за этим, не было простым возвращением в Средневековье. Интерес испанского случая заключается в том, что инициаторы этого опыта одержали победу и довели его до конечных последствий, прикрываясь национально-религиозной сущностью и вновь возводя старую историческую структуру, основанную на трансцендентной легитимности власти.

Идеологические основы национального католицизма оправдывали цель Священной войны: не только победить врага, но и уничтожить его, потому что он является «абсолютным врагом»: «то есть субъектом, само существование которого ставит под сомнение *трансцендентальные* ценности» той группы, которая определяется этими ценностями. Следовательно, это враг, который глубоко затрагивает коллективную идентичность тех, кто чувствует угрозу из-за его существования, поэтому насилие, которое Священная война развязывает, направлено не только на победу, но и на уничтожение¹⁹. Для этого священная война должна была быть растянута во времени символически в виде крестового похода. Но не только уничтожение врага было целью: построение нового политического порядка, предполагающего «удаление гражданства» в современной политике, то есть удаление политической сферы, автономной от религии, – это именно то, чего добивались тоже.

Насилие и новый порядок неразделимы. Одно не может существовать без другого.

Русское самозванчество было симптомом самодержавия. Без второго у первого не было причин для существования. Самозванчество обнажало архаичную историческую основу самодержавного господства: власть – это эманация потустороннего мира, это вне социального праксиса. Власть само-легитимирующая себя в трансцендентной инстанции – по природе своей самозванная. Дело не в отдельных самозванцах, а в сущности самой политической власти: что и было зафиксировано в документах эпохи, когда, во имя народного представительства, то есть *имманентности*, крестьяне отказывали в легитимности молодой советской власти, руководствующейся большевистской идеологией.

¹⁹ Ibid.

Литература

- Чистов 1967 – *Чистов К.В.* Русские народные социально-утопические легенды XVII–XIX вв. М.: Наука, 1967. 339 с.
- Чистов 2003 – *Чистов К.В.* Русская народная утопия. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. 546 с.
- Успенский 1982 – *Успенский Б.А.* Царь и самозванец: Самозванчество в России как историко-культурный феномен // *Художественный язык Средневековья*. М.: Наука, 1982. С. 201–235.

References

- Chistov, K. (1967), *Russkie narodnye sotsial'no-utopicheskie legendy XVII–XIX vv.* [Russian folk socio-utopian legends of the 17th–19th centuries], Nauka, Moscow, Russia.
- Chistov, K. (2003), *Russkaya narodnaya utopiya* [Russian folk utopia], Dmitrii Bulanin, Saint Petersburg, Russia.
- Uspenskii, B. (1982), “The tsar and the impostor. Imposture in Russia as a historical and cultural phenomenon”, *Khudozhestvennyi yazyk Srednevekov'ya* [Artistic language of the Middle Ages], Nauka, Moscow, Russia, pp. 201–235.

Информация об авторе

Клаудио Ингерфлом, Национальный центр научных исследований, Париж, Франция; Франция, Париж, б-р де л'Опиталь, д. 47;

Национальный университет Сан-Мартин, Буэнос-Айрес, B1650, Аргентина; Аргентина, Сан-Мартин, провинция Буэнос-Айрес, пр-кт 25 де Майо, д. 1169; claudio.ingerflom@gmail.com

ORCID 0000-0003-4162-285

Information about the author

Claudio Ingerflom, French National Centre for Scientific Research, Paris, France; 47, Boulevard de l'Hôpital, Paris, France;

National University of General San Martín, Buenos Aires, Argentina; 1169, 25 de Mayo Av., San Martín, Province of Buenos Aires, Argentina, B1650; claudio.ingerflom@gmail.com

ORCID 0000-0003-4162-285